

Певческие биеннале

Заочная премия от Лучано Паваротти

В Большом театре с сольным концертом выступил бас Паата Бурчуладзе. Накануне в Бетховенском зале Большого он дал пресс-конференцию, а затем расширил свой рассказ в беседе с корреспондентом "ВК".

— Певческий голос у меня был сразу. Но петь было стыдно. Как это: мужчина — и с бабочкой! И потому я хотел стать инженером. Окончил политехнический институт. Но мои родители (а мама играла на фортепиано) настояли, чтобы я поступил в консерваторию. На третьем курсе я выступил в партии Мефистофеля в оперной студии при Тбилисской консерватории. И после аплодисментов, успеха уйти со сцены было уже невозможно...

Очень важно помочь начинающему певцу. Меня протежировала Ирина Архипова. Мне помогал и Караян. Я пел в "Дон Жуане", "Реквиеме" и Моцарта, и Верди, которыми дирижировал великий маэстро. Руки Караяна разговаривали, они заставляли меня делать невероятные вещи. И я пел так, что в антракте бежал в гримуборную, чтобы проверить, закрепить то, что рождалось под магией Караяна. После смерти Караяна многие стали рваться к власти, хотели возглавить Зальцбургский фестиваль. Караян в последние годы жизни просил об этом Карлоса Клайбера, но тот отказался: "Что вы? После вас?" Сегодня Клайбер — один из лучших дирижеров мира.

Мне наиболее памятна премия Марии Каллас, победы на конкурсах в Буссето и Москве. Лучано Паваротти дал мне премию на своем конкурсе, хотя, как ни странно, я в нем не участвовал. Паваротти принял огромное участие в моей судьбе: таскал меня за собой по всем театрам, показал меня всему миру. Петь с ним — это что-то сказочное. Паваротти и Катя Ричарелли — мои самые большие друзья. Вместе с ними в 1984 году в Ковент-Гарден я спел Рамфиса в "Аиде", дирижировал Zubin Meta. И с этого началась моя карьера.

Работа у меня, слава Богу, есть. И не пел я еще только в Африке. Моя мечта — спеть партию Скарпиа в "Тоске", но боюсь, что это не совсем для моего голоса и может мне повредить. А в дѣлах "Борис Годунов" и "Огненный ангел" пою по всему миру.

Одиннадцать лет назад я пел Бориса в Большом. Говорят, что петь Бориса можно в 40 лет, я начал в 27! Сейчас мне сорок, и я буду петь уже сотый спектакль. Эта партия неисчерпаема, в ней столько чувств, переживаний. Даже Шаляпину казалось, что он никогда не достигнет совершенства в этой партии. Образ с годами становится богаче. Я сам себя не узнаю на спектакле, и мне каждый раз интересно, что на этот раз произойдет со мной на сцене. Это глубоко страдающий и мучающийся

человек. Вот сегодня — убивают и спят ночью абсолютно спокойно.

Басы не избалованы репертуаром, их персонажи — или мудрецы, или дьяволы. Басы умеют дружить в отличие от теноров и сопрано, и я счастлив, что я бас. Сейчас открылись границы, и русских молодых певцов в Европе больше, чем в России. У них хорошие голоса, но они торопятся. Им еще надо учиться. Многим на прослушиваниях дают отказ, а это означает, что как минимум на пять лет двери этого театра для них будут закрыты.

Для меня большая новость, что в Большом переходят на контрактную систему. Недовольных, предвижу, будет много. Но во всем мире работают по контракту. Приезжаешь за шесть недель, идут репетиции. В Америке все делают быстро. В Германии, если опоздал хоть на одну минуту, то тебя ждут большие неприятности.

Когда есть свободное время, люблю ходить на рыбалку и охоту. Это моя гордость. Правда, на Западе с такими хобби теперь борются, и я держу свои увлечения в большом секрете.

Живу в Вене, отсюда удобно передвигаться по Европе. У меня два сына, но семьи нет. Даю мастер-классы в Чили, Испании, Германии, хотя это несерьезно. Когда у тебя в руках судьба ученика, надо вложить в него жизнь, все свое время, которого у меня нет. Например, сейчас я улетаю в Мюнхен на постановку "Бориса Годунова", потом у меня сольный концерт в Париже и "Реквием" Верди в Бирмингеме. Хочу начать петь немецкий репертуар. Готовлюсь выступить в "Волшебной флейте" в Вене, затем — в "Похищении из серала", в сольной программе из произведений Брамса, Шумана и Шуберта. И снова жду встречи с театром Ла Скала, который, может быть, сегодня не совсем соответствует своей вывеске, но мною по-настоящему любим.

Александр ФИРЕР.

На снимке: Паата Бурчуладзе в партии Бориса Годунова.